

УДК 811.161.1'276.2:070.8(045)

*Д.М. Судник***«СТР*ШНО!»: АСТЕРИСК В ПЕЧАТНОЙ НЕПЕЧАТНОЙ БРАНИ**

В статье поднимается вопрос целесообразности замены астериском гласной буквы нецензурных слов в средствах массовой информации и коммуникации. На материале актуального примера из глобальной компьютерной сети Internet показывается истинная роль звёздочки* в печати. Утверждается, что такая замена, может быть, ещё пагубнее воздействует на читателя, чем оставленное без изменений нецензурное слово.

Рассматриваются также иные средства графической эвфемизации обценных словоформ – к примеру, знаки @, #, \$ вместо одной из букв бранного слова. Обсуждается QWERTY-эффект применительно к русским и иноязычным бранным словам. Ставятся вопросы: какие символы используются для эвфемизации печатной брани, чем обусловлен их выбор и какие из знаков совершенно непригодны для названной функции? Предлагается способ полной маскировки обценной лексики с помощью пометы [censored].

Ключевые слова: брань, нецензурное слово, обценная словоформа, астериск, графическая эвфемизация слова, QWERTY-эффект.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-1099-1103

Мы считали себя автором термина «графическая эвфемизация» до тех пор, пока не прочли [2; 3; 5]. Реконструируем дефиницию понятия в первой упомянутой работе: графическая эвфемизация – это приём, при котором «лексема», имеющая «помету табу», «вуалируется графически» [3, с. 109]; «буквы / иероглифы, знаки препинания, шрифт» называются средствами графической эвфемизации [см.: 8, с. 18]; «графические и фонетические эвфемизмы используются журналистами оппозиционных изданий [конечно, не только оппозиционных и не только изданий. – *Прим. авт.*] как профилактическое средство, которое позволяет корреспонденту (редакции) избежать судебных исков по статьям “Оскорбление”, “Унижение чести, достоинства, деловой репутации”» [2, с. 109–110]. Примеры из первоисточников по этическим соображениям привести не можем. Впрочем, один из механизмов графической эвфемизации станет ясен из содержания исследования: вспомним слово «стр*шно» в заглавии.

Кроме того, об эвфемизации высказывается в интервью А.Х. Никитина, например: «Использование матерных слов и графической эвфемизации – явления одного порядка. Я считаю, что многоточия не стоит применять. Потому что любой носитель русского языка без усилий понимает и восстанавливает слово, даже если оно не напечатано»¹ (<https://www.ogirk.ru/2013/06/07/31541/>).

В этой работе нас будут интересовать не разнообразные вопросы графической эвфемизации, иногда обсуждаемой в публикациях по медиалингвистике или переводоведению, а сопутствующие данному типу эвфемизации сугубые проблемы узуса, рецепции и прагматики.

Нормативные правовые акты многих государств не допускают «использование нецензурных слов и выражений» «в средствах массовой информации» [4]. Поэтому в редакторской практике прижился способ замены одного из глифов обценной словоформы знаком астериска, то есть «звёздочкой *». Оставим за скобками вопрос о том, что в русском и белорусском – языках консонантного строя – замещаемым символом становится, как правило, буква, соответствующая реализации малоинформативной вокальной фонемы. В итоге – реципиент текста без труда угадывает в синтагматической последовательности букв с одной опущенной гласной искомое (или, надеемся, не-искомое) бранное слово. (Более того, наблюдаются случаи, когда астериск вклинивается в слово даже без опущения одной из букв – своеобразный тмезис: стра*шно.)

Более противоречивым, однако, видится сам факт включения в графический облик слова «элемента, принадлежащего иной знаковой системе» [6, с. 107] – практически создание графона, в результате чего происходит акцентуация внимания читателя на единице, которую мы должны были бы всеми силами скрыть из поля зрения.

¹ Нам не совсем понятно убеждение А.Х. Никитиной в том, что можно «понять и восстановить» даже ненапечатанное слово. Возможно, респондент имела в виду, что можно догадаться о том, что пропущенное слово принадлежит к группе ненормативных.

Формальной импрессией для настоящей заметки стал видеоролик (см. рис.), размещённый в хостинге YouTube и озаглавленный: «СТР*ШНО ПОВЕРИТЬ! РАСШИФРОВАЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ НОСТРАДАМУСА!» (<https://www.youtube.com/watch?v=F2zRRgs-epc>). Слову «страшно» присущ ярко выраженный **экспрессивный** компонент в лексическом значении, что дополнительно подчёркивается заглавным регистром надписи, восклицательным знаком в конце высказывания, автосемантической речения и его начальной позицией в речевом отрезке. Интеръективации (переходу в междометие, причём **эмоциональное**) подверглись в диахроническом аспекте и некоторые инвективы. Однако здесь звёздочка поставлена для повышения кликабельности ссылки, а в печатных публикациях – напротив, для маскировки бранных слов. Какова на деле функция астериска? – вопрос риторический, ведь видео на момент написания заметки имеет 1,8 млн просмотров. Ко всему прочему добавим, что случай этот не единичный.

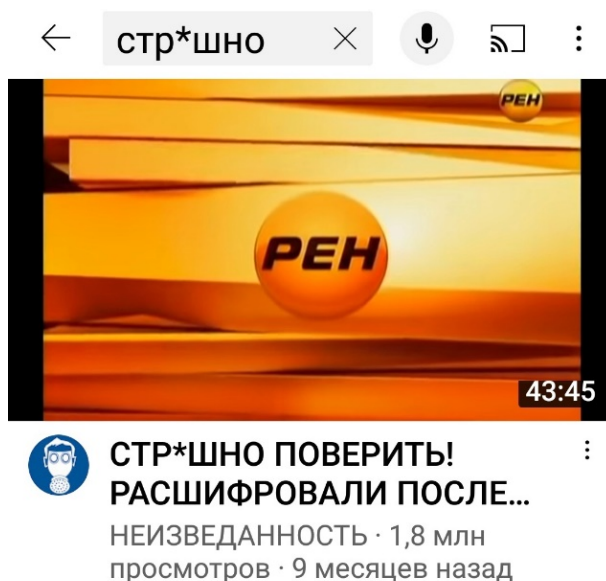

Рис. Скриншот названия и заставки видеоролика. Пояснения в тексте

Пример особенно хорош тем, что глаза, привычные к тому, чтобы увидеть астериск, а затем распознать бранное слово, натываются на фактическое отсутствие последнего. Именно это фактическое отсутствие и позволяет «раскрыть глаза» на медвежью услугу, которую оказывает читателю звёздочка вместо одной из букв обцененной лексемы. В особенности – при клиповом сознании, когда написанное прочитывается «по диагонали», с закономерным обращением внимания на невербальные составляющие креолизованного текста.

Из всего вышесказанного следует, что парадоксальный тезис [9, с. 23] справедлив: «Эвфемизм не столько способ говорить пристойно, сколько способ говорить непристойности, не столько скрывая их, сколько обостряя».

В восьмидесятые годы была популярна аркада Q*bert. В её названии астериск тоже присутствует, и мы подозреваем, что неискушённый и неанглоязычный читатель мог бы предположить, что это графически эвфемизированная инвектива. Персонаж компьютерной игры одноименный, то есть Кьюберт. Он известен сейчас по фильмам «Ральф» (две части) и «Пиксели». В последнем из них видно, что Кьюберт, ругаясь, «произносит» комбинацию «@!#?@!». Пользователи социальной сети «ВКонтакте» могли также заметить, что подведение курсора к эмодзи, выражающему негативную оценку той или иной публикации, приводит к выводу на монитор последовательности символов «&\$#%!». Всё это – символическое отражение нецензурной брани². Неоднородный состав ругательств (восклицательный знак в конце каждой реплики нас не интересует: он лишь маркёр эмоционального характера высказывания) порождает интересные вопросы, скажем, цифровой грамматики: какие символы используются для эвфемизации печатной брани, чем обусловлен их выбор и какие из знаков совер-

² «Окказиональным набором графических знаков (не буквенная и не цифровая раскладка)» названы подобные приводимым последовательности знаков в [5, с. 670].

шенно непригодны для названной функции? Вопросы, кажется, новы и исследователями доселе поставлены не были.

Безусловно, те **знаки, которыми заменяется одна или несколько букв обценной лексемы** (о полном замещении инвективы мы речь не ведем: имеются в виду случаи типа: м@ты – это оч№нь пл#хо) на русском языке, могут отличаться от знаков, к примеру, в английском. Причина в раскладке клавиатуры. Русскоязычные пользователи вряд ли будут (по крайней мере, часто) задействовать комбинацию клавиш Ctrl+Shift лишь для того, чтобы выбрать доступные в английской раскладке символы (например: #, \$, &), тем более в пылу бранных перепапок. Это в некотором роде преломление QWERTY-эффекта: «using QWERTY shapes the meanings of existing words and may also influence which new words and abbreviations get adopted into the lexicon and the “texticon” by encouraging the use of words and abbreviations whose emotional valences are congruent with their letters’ locations on the keyboard» («использование раскладки QWERTY изменяет значения уже существующих слов, а также может влиять на то, какие новые слова и аббревиатуры будут приняты в лексикон и “текстикон”, способствуя использованию слов и аббревиатур, эмоциональные валентности которых совпадают с расположением букв, входящих в состав данных речевых единиц, на клавиатуре». – *Пер. наш*) [10, р. 503]. Здесь следует сделать поправку на то, что влияние QWERTY-эффекта распространяется в нашем случае не на “meanings of existing words” ‘значение существующих слов’, а на их графическое оформление.

Не все знаки, расположенные в непосредственной близости на клавиатуре, могут быть избраны в качестве средства графической эвфемизации. Так, слеш (/), а точнее знак деления, – соседняя астериску (то есть знаку умножения) клавиша – во-первых, слишком узок и высок, не соответствует объёму замещаемой буквы, во-вторых, имеет свои, отдельные, часто задействуемые в тексте функции и потому, думается, определяется пользователем электронно-вычислительной машины как нежелательный. Знаки «-» и «+» непригодны по той же причине. Знак минуса совпадает с небуквенным орфографическим знаком – дефисом; плюс, как математический оператор, прочно закреплён в своей основной функции в языковом (или математическом) сознании пишущего. Все перечисленные в абзаце символы расположены в цифровом блоке клавиатуры.

Из буквенного блока внимания достойна «собачка @» и «знак доллара \$», которые являются угадываемыми и заметными даже при беглом прочтении текста **модификациями** буквы «а» и латинской S, омофоничной русской букве «с» (впрочем, ряд «буквенных эрзацев» можно продолжать). Поэтому они с этической стороны непригодны для графической эвфемизации вовсе: слишком привлекают внимание читающего.

Стоит уточнить, что всё время речь шла о компьютерной клавиатуре. Клавиатура же сенсорных мобильных устройств гораздо более гибкая и работает по иным алгоритмам, позволяющим пользователю, пожалуй, «психологически безболезненно» для себя – то есть без влияния QWERTY-эффекта на (не)желание нажать на ту или иную «неудобную» клавишу – использовать любые средства графической эвфемизации (для этого требуется всего лишь переключить раскладку на специальные символы).

Зачастую, как нам кажется, выбор знака для замены одного из глифов обценной словоформы обусловлен даже не какой-либо прагматической установкой печатающего текст, а, если так можно сказать, эстетическими предпочтениями автора, либо «бездумным кляцаньем по клавишам», которое, впрочем, подвергнуто вышеописанным ограничениям. Можем предположить, что кажущаяся бессознательность выбора знаков для графической эвфемизации может послужить дополнительным обоснованием QWERTY-эффекта. Дело в том, что используемые для его доказательства слова и даже эмодзи – это уже готовые языковые единицы, выбираемые в процессе коммуникации под влиянием множества сторонних факторов, постановка знаков препинания регулируется в основном существующими правилами пунктуации. Знаки для графической эвфемизации, есть вероятность, могут выбираться свободно, как принято говорить в компьютерном жаргоне, «рандомно».

«Иногда очень трудно определить те грани, за которыми сказанное может квалифицироваться как недопустимая грубость, клевета, оскорбление, унижение чести и достоинства человека» [1, с. 45]. Этим эвфемизация, в том числе графическая, обуславливается и сейчас, в компьютерную эпоху, но с несколько неожиданным мотивом пользователя ЭВМ – стремлением обойти алгоритмы компьютерной цензуры.

Хотелось бы процитировать наиболее решительный пассаж: «необходимо изгнать нецензурщину со страниц газет, с экранов телевидения и с телеэкранов. <...> рядовой человек склонен имитировать ту речь, которая предлагается ему через средства массовой информации» [7, с. 19].

Потому со своей стороны предложим некоторое решение поднятой проблемы культуры речи: все обценные лексемы заменять на надпись [censored]. Это транскультурное запрещение играет воспитательную роль: раз нецензурная брань запрещена, значит, запрещена без всяких послаблений, то есть [censored]. Автор надеется, что компетентные – как филологические, так и законодательные – органы учтут излагаемые в статье замечания относительно ненормативной лексики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Граудина Л.К. Войти в наследство // Русская речь. 1993. № 5. С. 41–46.
2. Катенева И.Г. Манипулятивный потенциал эвфемизмов и дисфемизмов на страницах современных периодических изданий // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 6: Журналистика. С. 105–110.
3. Милевич, И.Г. Переводы названий художественных фильмов: тактики эвфемизации и деэвфемизации // Медиалингвистика. 2016. № 2 (12). С. 103–112.
4. О средствах массовой информации: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г. №427-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 мая 2021 г. № 110-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427>.
5. Сергиенко Н.В. Фоно-графические эвфемизмы в современном английском языке // Мир науки, культуры, образования. 2018. №6 (73). С. 669–671.
6. Сковородников А. П. Графон // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М., ФЛИНТА, 2011. 480 с.
7. Стернин И.А. Проблема сквернословия. Воронеж, «Истоки», 2011. 21 с.
8. Чжан Чань. Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
9. Шкловский В.Б. Художественная проза. Размышления и разборы. М., Сов. писатель, 1961. 667 с.
10. Jasmin K., Casasanto D. The QWERTY Effect: How typing shapes the meanings of words // Psychonomic Bulletin & Review. 2012. Vol. 19, № 3. P. 499–504. URL: <https://doi.org/10.3758/s13423-012-0229-7>.

Поступила в редакцию 13.03.2022

Судник Дмитрий Марьянович, независимый исследователь
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: sudnik.mitia@yandex.ru

D.M. Sudnik

“SC*RY!”: ASTERISK IN PRINTED UNPRINTABLE ABUSIVE WORDS

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-1099-1103

The article raises the question of the reasonability of replacing the vowel with an asterisk in the terms of offense in the media and communication. The actual example from the Internet global computer network shows a true role of the asterisk* in print. It has been argued that such substitution may have even more harmful effect on the reader, than an unchanged swear word.

Other means of graphical euphemization of obscene word forms are considered as well, e.g., @, #, \$ symbols instead of one of the letters of a swear word. QWERTY-effect is discussed in relation to Russian and foreign swear words. The following questions are raised: which symbols are used for euphemization of printed abusive words, how is the choice made and which symbols are completely inappropriate for this? A mean for complete masking of obscene words using a mark [censored] is suggested.

Keywords: abusive words, swear words, obscene word form, asterisk, graphical euphemization of word, QWERTY-effect.

REFERENCES

1. Graudina L.K. Vojti v nasledstvo [Come into the inheritance] // Russkaya rech' [Russian speech]. 1993. № 5. S. 41–46. (In Russian).
2. Kateneva I.G. Manipulyativnyj potencial evfemizmov i disfemizmov na stranicah sovremennyh periodicheskikh izdaniy [Manipulative potential of euphemisms and dysphemisms in modern periodic editions] // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. 2013. T. 12, vyp. 6: Zhurnalistika [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. S. 105–110. (In Russian).

3. *Milevich, I.G.* Perevody nazvanij hudozhestvennyh fil'mov: taktiki evfemizacii i deevfemizacii [Translations of the movies' titles: euphemisation and deueuphemisation tactics] // *Medialingvistika [Media Linguistics]*. 2016. № 2 (12). S. 103–112. (In Russian).
4. O sredstvah massovoj informacii: Zakon Resp. Belarus', 17 iyulya 2008 g. №427-3: v red. Zakona Resp. Belarus' ot 24 maya 2021 g. № 110-Z [On Mass Media: Law of the Republic of Belarus, No 427-Z of July 17, 2008: Amended as of May 24, 2021] // *Nac. pravovoj internet-portal Resp. Belarus'* [National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427>. (In Russian).
5. *Sergienko N.V.* Fono-graficheskie evfemizmy v sovremennom anglijskom yazyke [Phono-graphic euphemisms in modern English] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture and education]*. 2018. №6 (73). S. 669–671. (In Russian).
6. *Skovorodnikov A.P.* Grafon // *Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety [Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings] / pod red. A.P. Skovorodnikova. 3-e izd., stereotip. M., FLINTA, 2011. 480 s.* (In Russian).
7. *Sternin I. A.* Problema skvernosloviya [The problem of foul language]. Voronezh, «Istoki», 2011. 21 s. (In Russian).
8. *CHzhan CHan'*. Evfemizaciya v ruskom i kitajskom yazykah: lingvokul'torologicheskij i lingvopragmaticheskij aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Euphemization in Russian and Chinese languages: linguocultorological and linguo-pragmatic aspects: abstract dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences]. Volgograd, 2013. (In Russian).
9. *SHklovskij V. B.* Hudozhestvennaya proza. Razmyshleniya i razbory [Artistic prose. Reflections and analysis]. M., Sov. pisatel', 1961. 667 s. (In Russian).
10. *Jasmin K., Casasanto D.* The QWERTY Effect: How typing shapes the meanings of words // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2012. Vol. 19, № 3. P. 499–504. URL: <https://doi.org/10.3758/s13423-012-0229-7>. (In English).

Received 13.03.2022

Sudnik D.M., Independent Researcher
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: sudnik.mitia@yandex.ru